

---

## ПИСЬМЕНА ВРЕМЕНИ

УДК 93/94 168 522 009

DOI: 10.31249/hoc/2023.01.14

*Баранов А.С.\**

### ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ РАДИКАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX в.: СОДЕРЖАНИЕ, ЭТАПЫ, ИТОГИ<sup>®</sup>

*Аннотация.* Статья посвящена истории возникновения и основных этапов развития русского революционного движения и польского освободительного движения в XIX – начале XX в. в пространстве Российской империи, анализу характера коммуникации между двумя движениями, выявлению общих и специфических черт русской и польской радикальных субкультур данной эпохи, анализу ценностных ориентаций участников двух движений.

*Ключевые слова:* радикализм; польское освободительное движение; социализм; народничество; революционный терроризм; политические субкультуры.

Поступила: 25.06.2022

Принята к печати: 11.07.2022

---

\* *Баранов Александр Сергеевич* – историк, кандидат культурологии, доцент департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: bars.68@bk.ru

*Baranov Alexander Sergeevich* – historian, PhD in Culturology, Associate Professor of the Department of Mass Communications and Media Business of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: bars.68@bk.ru

© Баранов А.С., 2023

*Baranov A.S.*

**Interaction of Russian and Polish radical subcultures in the Russian Empire of the 19 th – early 20 th centuries: content, stages, results**

*Abstract.* The article is devoted to the history of the emergence and main stages in the development of the Russian revolutionary movement and the Polish liberation movement in the 19 th – early 20 th centuries in the space of the Russian Empire, analysis of the nature of communication between the two movements, identification of common and specific features of the Russian and Polish radical subcultures of this era, Analysis of the value orientations of the participants in the two movements.

*Keywords:* radicalism; Polish liberation movement; socialism; populism; revolutionary terrorism; political subcultures.

Received: 25.06.2022

Accepted: 11.07.2022

*Для цитирования:* Баранов А.С. Взаимодействие русской и польской радикальных субкультур в Российской империи XIX – начала XX в: содержание, этапы, итоги // Вестник культурологии. – 2023. – № 1(104). – С. 245–260. DOI: 10.31249/hoc/2023.01.14

История радикализма в любом из его национальных или региональных воплощений отражает как общий родовый признак явления – нацеленность на сокрушение существующих «порочных» порядков ради торжества актуальной версии «высоких идеалов», так и специфику культуры конкретного общества. В данной статье мы попытаемся выявить основные этапы развития и взаимодействия двух близких линий в истории европейского радикализма XIX – начала XX в., переплетавшихся в пространстве Российской империи: русского революционного движения и польского освободительного движения, а также определить сходство и различия между ними.

Развитие радикализма можно рассматривать в трех основных аспектах:

- *движение идей* – создание идеологий, их цитирование, взаимовлияние, сближение и размежевание, включая способы их трансляции внутри социумов и трансплантации в иные культуры;
- *становление и развитие организаций* различных форматов («тайное общество», «революционный кружок», «подпольная партия»),

«боевая организация», «легальная партия» и др.) благодаря которым радикальные идеи обретают способность оказывать целенаправленное влияние на характер политико-социальных процессов;

- оформление мотиваций и практик, сообщающих вооруженным идеологиями организациям особое *культурное качество*. Речь идет о вызревании политических субкультур, о процессе стандартизации и кодификации способов действий участников в ситуациях, реализующих потенциал конкретной идеологии. Сюда относятся клишированные системы аргументации, побуждающие индивидов к действиям, правила существования внутри стандартных рамок взаимодействия: «арест», «допрос», «суд», «тюрьма», «казнь». С ними связаны и правила драматургии сложноорганизованных публичных действий: забастовок, голодовок, демонстраций, террористических актов, актов гражданского мученичества, восстаний и т.д.

*Культурное качество* не только усиливает эффективность деятельности организаций и расширяет среду, способную принимать радикальные идеи. Оно отвечает за самовоспроизводство радикальных групп внутри большого социума в жизни неопределенного числа поколений.

Каждый из трех аспектов имеет самостоятельное значение и является фактором, стимулирующим развитие других. Движение идей порождает новые культурные практики, которые оказывают влияние на развитие организаций, создающих запрос на новую фазу движения идей. Круг всегда замыкается, хотя каждая конкретная историческая ситуация может обнаружить более выраженное развитие любого из названных аспектов в противоположность другим.

В истории взаимодействия русского и польского радикальных движений XIX – начала XX в., имея в виду особенности национальных культур (русской и польской), общее течение истории Российской империи и динамику трех названных выше аспектов, можно выделить следующие этапы:

*Первый этап. Момент первого контакта и опознания друг друга, 1820-е годы.*

Ранняя история русского радикализма демонстрирует приоритет *организационного аспекта над идеологическим*, при замедленном темпе становления субкультуры. Будущие декабристы реализовали на русской почве полученную ими извне готовую форму тайной органи-

зации. При этом в условиях исторического цейтнота им удалось лишь в общих чертах определиться со своей основной целью (революция ради республики) и согласиться с идеями, изложенными в проекте «Заповедной государственной грамоты великого народа российского» П. Пестеля. Восстание 14 декабря 1825 г. – впечатляющая импровизация, осуществленная людьми, не вполне отдающими себе отчет в том, какого рода событие они совершают (переворот? демонстрация?) и не обладавшими набором поведенческих стандартов, характерных для состоявшейся радикальной субкультуры. Этим обстоятельством обусловлены явления, всегда смущавшие историков революционного движения: «безволие» декабристов на следствии (почти все заговорщики выдавали своих товарищей и каялись [Эдельман, 2008, с. 20]), их готовность к сотрудничеству со следствием, к прощению товарищей, проявивших малодушие и т.п. Все это выглядело странным диссонансом на фоне безупречного героизма жен декабристов, отправлявшихся за мужьями на «вечную» каторгу.

Декабристы не являлись носителями системы поведенческих норм, которые «подпольная Россия» сумеет выработать только к 1870-м годам. Им приходилось действовать в некодифицированном пространстве. Напротив, отправлявшиеся в Сибирь жены декабристов (Е.И. Трубецкая, М.Н. Волконская, А.Г. Муравьева и др.) находились в значительно более определенной ситуации. Они реализовывали набор предписанных социальных качеств, укорененных как в русской национальной культуре, так и в сословной субкультуре русского дворянства, пережившей все политические коллизии XVIII в.

Ситуация 1820-х годов для польского освободительного движения была иной. Она характеризуется неопределенностью в *идейном* аспекте, при нарастающем запросе со стороны социальных групп на оформление мотиваций и практик, обеспечивающих организациям, вовлеченным в движение, особое культурное качество, а также выдвинутым на передний план важнейшей ценности – патриотизма. *Культура борьбы* в польских офицерских и студенческих организациях переживала в начале XIX в. фазу быстрого утверждения и оформления.

Встреча русских и польских радикалов в лице представителей Южного общества и польского Патриотического общества 1824–1825 гг. обозначила готовность сторон к возможной координации дея-

тельности в организационном плане без установления идеологической близости. «Пестель, Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол предлагали полякам поднять совместное вооруженное восстание, интернировать цесаревича и установить Польскую республику. Их собеседники С. Кшижановский, А. Яблоновский, А. Городецкий держались учтиво и деликатно, но всякий раз переносили обсуждение на второстепенные вопросы» [Аспидов, 1994, с. 76].

Русское общество, только встававшее на путь эмансипации, не было в социокультурном плане *синхронизировано* с польским, оглушенным катастрофами конца XVIII в. и невероятными событиями начала XIX в. Эта синхронизация наступит спустя несколько десятилетий совместной жизни двух народов в одной империи.

Универсальный формат тайного общества предоставил полякам возможность для осуществления первичного контакта с представителями русского движения. Их всех объединяли общие сословные характеристики, военная форма и общая включенность в актуальный культурный тренд: национальное масонство и идейное наследие Великой французской революции; но отсутствовал пока тот понятийный язык, на котором их диалог мог бы быть продуктивен.

*Второй этап. «Диалог с одной стороны». От ноябрьского восстания 1830 г. до середины 1860-х годов.*

Суть второго этапа: постоянно действующий «польский фактор», ориентированный на поиск русских радикалов и их побуждение к активизации деятельности. Лозунг Й. Лелевеля: «Во имя Бога за нашу и вашу свободу!», провозглашенный во время панихиды-демонстрации в память казненных декабристов, состоявшейся в восставшей Варшаве 25 января 1831 г., символ второго этапа. Лозунг фиксировал все общее, что, по мнению участников польского движения, могло бы объединить их с русскими. Но призыв Лелевеля не нашел адресата, так как в эпоху Николая I в России не было соответствующей среды. Русское радикальное движение в тот период представляют крупные, но одинокие фигуры А.И. Герцена и М.А. Бакунина. Похоже, что только они и могли в тот момент принять тезис: «...у польского и русского народов один враг, и революционный союз двух народов возможен и необходим» [Кудряшов, 2009, с. 128].

Польское освободительное движение после 1831 г. в подполье, в эмиграции и в ссылке представляет собой как бы срез всего польского

общества в социальном и политическом отношениях. Оно завершило оформление *культуры борьбы*, сформировало полный спектр *организаций*, представлявших наиболее актуальные политические *идеологии* (не только радикального плана). Здесь были представлены сторонники конституционной монархии, возглавляемые А. Чарторыйским (Париж), республиканское движение Й. Лелевеля (Брюссель). «Громада люда польского», образованная из солдат и унтер-офицеров, объединяла сторонников социализма, считавших, что будущая Польша должна быть страной без частной собственности. Это был «самый многочисленный и лучше организованный политический лагерь Великой эмиграции. Их лозунг: «Без равенства нет свободы!» [Дыбковская, Жарын М., Жарын Я., 1995, с. 181].

Что касается русского радикализма, то он в этот период практически замирает и просматривается только в ретроспективе, как предистория более позднего «настоящего» движения.

С польским освободительным движением связано первое знакомство русского общества с новым форматом политического действия – террористическим актом. Все террористические события российской истории 1860-х годов вплоть до «Нечаевского дела (1869), резко изменившего характер и направление интерпретации террористических событий, были напрямую связаны с польским движением или *прочитывались* русским обществом в таком качестве. Среди них покушение в Варшаве на великого князя Константина Николаевича (1862) и покушение в Париже на Александра II (1867). Польская тема прозвучала и в покушении на Александра II Д. Каракозовым в Санкт-Петербурге (1866). Хотя первоначальная версия о «польском следе» оказалась ошибочной, информация об этом покушении вызвала в столицах империи именно антипольские «патриотические» демонстрации [Толмачёв, 1998, с. 203–204].

Содержание попыток польского воздействия на российскую сторону в ходе второго этапа сводилось не к *идеологическому* и не к *организационному* аспектам. Это было мотивирующее влияние через демонстрацию практик *культуры борьбы*, которые в результате дополнения «польского фактора» иными побудительными мотивами, постепенно выходящими на передний план, достигают своей цели в конце 1860-х годов. В этот момент русское революционное движение

начинает подавать явные признаки активизации по каждому из трех аспектов развития.

*Третий этап. Параллельное развитие и активное сотрудничество двух движений. От 1870-х годов до Первой мировой войны.*

К третьему этапу относится тактическое сотрудничество двух состоявшихся радикальных субкультур в борьбе с общим врагом – российским самодержавием при не вполне совпадающих стратегических целях, которые для каждого движения остаются подвижными. Основные линии коммуникации оформляются в студенческой среде, закрепляются в тюрьме, воспроизводятся в сотрудничающих нелегальных партиях.

В начале нового этапа сохраняются опережающие темпы развития польского радикализма в *идеологическом* и в *организационном* аспектах. Российское движение медленнее оформляет эмигрантские структуры. В Польше раньше появляются и быстрее достигают высокой степени влияния социал-демократические партии (Польская социалистическая партия, Социал-демократия королевства Польши и Литвы). Строительство социалистических партий отстает в русском движении примерно на пять-восемь лет.

В Польше раньше начинается конкуренция и противостояние национальных и интернациональных линий в революционном движении, что привело в 1906 г. к вступлению части польских социал-демократов в РСДРП, и более выраженную национальную ориентацию других социалистов.

Мотивирующее влияние польского фактора на русское движение, преобладавшее в XIX в., в начале XX в. снижается. Влияние становится обоюдным. Социокультурная синхронизация к этому моменту достигает своего максимума, а оформление радикальных субкультур полностью завершается.

Рассмотрим несколько доминантных ценностей, по отношению к которым прослеживаются качественные различия между ними.

#### *1. Государство и патриотизм.*

Для польского освободительного движения собственное государство – высшая ценность-цель, объединяющая мечта. Каждая фаза освободительной борьбы сопровождалась более или менее успешными и продолжительными попытками государственного творчества. Что касается представителей «подпольной Польши», встававших на

интернационалистские позиции, то они быстро ассимилировались и вливались в российское интернациональное движение. Так было с Ф.Э. Дзержинским и социал-демократией королевства Литвы и Польши.

Напротив, для русского движения, вплоть до отречения Николая II, государственность ценностью-целью не являлась. Идеал русского революционного движения, вне зависимости от идеологических и партийных различий – социальная справедливость. Государство представлялось объектом сокрушения, уродливым историческим недоразумением, препятствием, стоящим на пути народного счастья. Предполагалось, что в процессе революции в России должна появиться новая государственность. Но будущее государство целенаправленно не проектировали даже те представители русского революционного движения, которые не находились в парадигме мировой революции. Государственный патриотизм никогда не был знаменем русских революционеров до начала Первой мировой войны. После начала войны для интернационалистов патриотизм по-прежнему оставался ценностью отрицательной, а для оборонцев – ценностью, *не вполне принятой*; компромиссом, принятие которого сопровождалось оговорками. Только привыкавшие к ценности государственного патриотизма, пытавшиеся найти ей надлежащее истолкование и применение, русские социалисты-оборонцы летом 1917 г. оказались перед необходимостью ее экстренного внедрения в десятиmillionную солдатскую массу российской армии, но были не в состоянии справиться с этой задачей [Баранов, 2018, с. 111–112].

Институты государства для русских революционеров слишком долго были вражескими подразделениями. Эмигрантские группы не создавали «правительств в изгнании». Русские радикалы не ставили своей целью функционирование «подпольного государства», к чему стремились поляки во второй половине XIX в.

Социальные проекты русских радикалов были качественно иными. Они бредили *коммунами*, а не *институтами*. Если в своих проектах просветительской работы среди трудящихся русские народники начиная с 1860-х годов организовывали *кружки самообразования*, то их польские соратники создавали *летучие университеты*. В одном случае создавалась институция, а в другом – нет. Боевые организации эсеров в 1905–1909 гг. не стремились стать зародышами альтернатив-

ной национальной армии. Сравнение партийных лидеров с генералами в России не могло восприниматься первыми иначе как оскорбление. Единственное исключение – попытки создания социал-демократами системы советов во время первой русской революции.

Указанная особенность русской радикальной субкультуры сыграла негативную роль в тот момент, когда в России произошло внезапное обрушение самодержавия. Партия социалистов-революционеров, самая мощная и организованная партия русского революционного движения, оказалась не готова к созданию национальной государственности. И эта государственность – русская народная крестьянская социалистическая республика, основанная на федерации крестьянских общин, – не случилась.

## *2. Церковь и вера в Бога.*

Антиклерикализм и атеизм – фундаментальные черты культуры «подпольной России». Русские революционеры XIX в. могли симпатизировать идеалам раннего христианства (А. Желябов) или проявлять интерес к положению гонимых религиозных движений (С. Степняк-Кравчинский), но вера в Бога и организация жизни в соответствии с предписаниями церкви были столь же несовместимы с деятельностью русского революционера, как успешная военная карьера. Вера в народ как в живое воплощение идеала социальной справедливости заменяла веру в Бога. Она была стержнем революционной субкультуры. Социализм и атеизм для представителей русского революционного движения – неразрывно связанные понятия. Принятие первого почти автоматически означало принятие второго. «За два года учебы, – вспоминал Питирим Сорокин, – большая часть моих предыдущих религиозных, философских, политических, экономических и социальных установок была разрушена. Религиозность уступила место полуматериалистическому отрицанию теологии и обрядов русской православной церкви. Обязательное присутствие на церковных службах, введенное в школе, только усиливало это отрицательное отношение к религии. Мое старое мировоззрение и система ценностей были заменены научной теорией эволюции и естественно-научной философией» [Сорокин, 1992, с. 36].

К 1905 г. ситуация изменилась. Радикальная субкультура не могла быстро социализировать резко выросшее количество новых приверженцев. Новые участники движения часто оказывались «в револю-

ции» спонтанно, без долгих лет подготовки. Вера в Бога для них перестала быть качеством невероятным, скорее качеством не совсем обычным. Но изменения отношения к государственной церковности не произошло. Церковь – часть государства. На нее участниками русского революционного движения переносились все установки, характерные для их отношения к государству.

Варианты отношения к церкви и к религии в польском движении более разнообразны. Вселенская церковь выполняла в польской культуре этническую функцию. Приверженность католицизму являлась фактором сближения групп различной политической окраски. Католическая церковь в Российской империи подвергалась разнообразным притеснениям: конфискация церковных владений, принудительное православие для детей, родившихся в смешанных русско-польских (православно-католических) семьях, вынужденное подчинение церкви учрежденной в Санкт-Петербурге особой Римско-католической коллегии. Все это только укрепляло авторитет церкви в освободительном движении. Этот авторитет зачастую распространялся и на представителей наиболее радикальных крыла «подпольной Польши». В 1907 г. Борис Савинков предложил польскому социалисту К. Вендзягольскому вступить в Боевую организацию партии социалистов-революционеров. Вендзягольский отказался, объяснив отказ участвовать в актах терроризма своей приверженностью католицизму [Вендзягольский, 1963, с. 135]. Подобная мотивация отказа для русского революционера была бы невероятна.

### 3. Национальная культура.

«Подпольная Россия» противопоставляла себя не только государству и церкви, но и официальной культуре во всем многообразии ее проявлений. Она была социально локализована кругом разночинцев и обособлена в возрастном отношении. В начале своей истории она являлась *именно и только* молодежной контркультурой. Но и в 1870-е годы, после завершения «нигилистического» культурного бунта, новое поколение русских революционеров-народников сохранил перманентный вызов старшим в качестве одного из своих главных признаков. И современниками И. Тургенева и современниками А. Блока русская революция воспринималась делом молодых отрицателей старой жизни, «юношью с нимбом вокруг головы».

«Подпольная Россия» – субкультура поколений. Трансляция революционного опыта и ценностей в ней происходила *по горизонтали*, среди сверстников, разрывавших отношения с родителями. «Революционные семьи» появились в России поздно. Дважды (в 1870-е годы и в 1990-е) возникали контркультуры, находившиеся в остроконфликтных отношениях с традиционной культурой. Представители «подпольной России» редко создавали семьи в традиционном смысле и растили потомство, продолжавшее революционное дело. Пример Степана Балмашева, первого русского террориста XX в. и сына революционера-народника предыдущего поколения Валериана Балмашева – редкое исключение. Значительно чаще русские революционные семьи будут демонстрировать не вертикальную, а *горизонтальную преемственность* (братья и сестры Ульяновы, братья и сестра Савинковы, братья Гоц и др.).

Напротив, «Подпольная Польша», начиная с обществ филоматов и филаретов, воспринимала национальную культуру в качестве ресурса, способного объединить общество в борьбе за свободу. Оно демонстрировало иное отношение к традиции, к национальной истории. Это движение в определенном смысле было создано историками. В русском революционном движении профессиональных историков не было вовсе. Те из русских революционеров, кому довелось проявить себя в этом качестве (П.А. Кропоткин, Г.В. Плеханов), посвящали свои труды не традициям национальной культуры, но истории революций и свободной мысли.

«Подпольная Россия» будет всегда разделять культуру «ненастоящую», «паразитирующую на народных страданиях», и «культуру народа». «Подпольная Польша», при всей своей внутренней конфликтности, была политической субкультурой, ценности которой транслировались *по вертикали*, от старших к младшим, от отцов к детям. В польском движении тоже были примеры семей с *горизонтальной* трансляцией принадлежности к революционной субкультуре (братья Езёренские, братья Пилсудские). Но более ярко в ней выражена другая традиция – дети участников восстания 1830-х годов становились участниками восстания 1860-х годов, а дети последних становились участниками движения начала XX в. и создателями государства (Ю. Бялыня-Холодецкий, В. Крахельская-Филипович, Ё. Морачевский). Борьба за свободу и независимость стала одним из централь-

ных элементов национальной польской культуры. В этом движении национальное не являлось принципиально противоположным освободительному. Слово «народ» здесь имело этническое значение, а не сугубо социальное, как это было характерно для представителей русского движения.

На рубеже XIX–XX вв., в самый разгар третьего этапа, появляются революционеры, культура которых уже несет на себе отчетливые следы переплетения польской и русской освободительных традиций. Одним из таких персонажей был Иван Каляев («Янек», «Поэт», 1877–1905) – уроженец Варшавы, сын русского полицейского и дочери разорившегося шляхтича, член БО ПСР, убивший в феврале 1905 г. великого князя Сергея Александровича и повешенный в Шлиссельбургской крепости в мае того же года.

Перед казнью Каляев написал длинное стихотворение, описывающее обстоятельства визита в его камеру вдовы Сергея Александровича, великой княгини Елизаветы Федоровны [ГАРФ. Л. 3–4].

Остановимся на тех аспектах данного стихотворения, которые, как нам представляется, явно проявляют культурный статус Каляева: мотив *цели борьбы*, мотив *родительского благословения* и мотив *посмертной судьбы*.

**Мотив цели.** Основной лозунг, звучащий в стихотворении: «Россия должна быть свободной!». В этом политическом кредо заявлены сразу две совсем не характерные для представителя русской радикальной субкультуры ценности: «Россия» и «свобода». Русские революционеры шли на эшафот *не ради свободы родины*. Точнее, их родиной являлась не страна, а народ. Они предпочитали умирать «за трудовой народ», за «волю народа», за «землю и волю» или «за революцию». Что же касается «свободы», то само по себе это слово в политической ситуации России того времени понималось как буржуазная ценность, а не цель революционного движения.

Русские революционеры-народники принципиально пользовались термином «воля», четко отличая его от либеральной «свободы», борьба за которую в скором времени станет делом конституционных демократов. В этом месте стихотворения Каляев скорее видит себя в роли борца за свободу Родины, чем за социальную справедливость. Он как бы не вполне социализирован в культуре борьбы русского революционного движения.

**Мотив родительского благословения.** Достаточно необычно в стихотворении выглядит упоминание матери героя. «Я мать свою вспомнил родную, когда, отправляясь в безвестную даль, склонился к ее поцелую». Даже столь неопределенное описание ситуации – сын отправляется очень далеко, а мать его целует на прощание (упомянуты только характеристики настроения: «скорбь», «тоска» – очевидно, прощание последнее) – для представителя русского революционного движения это не характерно, так как роль родителей в литературе русского революционного движения почти всегда отрицательная, архетип благословляющей матери там отсутствует. Родители НЕ могут понять своих детей-революционеров, не благословляют их. Эта особенность вытекает из описанной выше традиции *горизонтальной* преемственности. Начиная со стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Порог», уход в революцию воспринимался на русской почве не дальним странствием, а *разрывом* с привычным социальным окружением. Первая внятная попытка художественного описания в революционной литературе этой коллизии – повесть С. Степняка-Кравчинского «Домик на Волге». Более поздний пример – роман М. Горького «Мать». Оба произведения показывают идеальную для представителей революционной субкультуры (и невероятную в реальной жизни) ситуацию. Родители (у Кравчинского – отец, у Горького – мать), переживая драматические истории жизни своих детей (у Кравчинского – дочери, у Горького – сына), сами вступают на путь революции. Данные произведения – попытки создания культурного стандарта, который помог бы родителям новых революционеров выбрать «правильную» линию поведения.

Каляев упоминает о прощании с матерью, не проблематизируя ситуацию, поскольку он вырос в том мире, где трансляция опыта, связанного с вооруженным участием в борьбе за свободу, происходила *вертикально*, от родителей к детям. В Польше это был печальный сюжет, но легальный сценарий культурной преемственности. Этнос стимулировал подобное приобщение к борьбе. Даже в тех частых случаях, когда конкретные родители и не одобряли решение конкретных детей, сама *ситуация была им понятной*.

**Мотив посмертной судьбы.** Стихотворение завершается словами, обозначающими готовность автора к посмертной активности: «И если не хватит испытанных сил, Чтоб свергнуть насилье и тро-

ны, *То мертвые встанут из бранных могил, И двинут вперед легионы*» [ГАРФ. Л. 3–4].

В этом отрывке обращают на себя внимание «легионы», которых не знает русская революционная традиция, но которые ярко представлены в традиции польской. Отметим также склонность Каляева интерпретировать революционную деятельность как военную. Революцию он видит как «войну», покушение называет «боем», свое положение заключенного – «пленом».

Безусловно, в данном стихотворении можно найти и другие цитаты, несущие в себе узнаваемые клише, характерные уже для культуры «подпольной России», но наша задача не в том, чтобы непременно показать Каляева «поляком» или «русским». Мы видим один из примеров русского революционера, сформированного в культуре польского освободительного движения, в мировоззрении которого заметны следы работы двух несовпадающих, но тесно переплетенных миров.

\*\*\*

Русское революционное движение оформлялось чрезвычайно медленно, заметно отставая в темпах развития по всем названным трем аспектам от аналогичных движений в других регионах Европы. В конце 1860-х годов происходит его резкая активизация, превращение в заметное явление политической жизни Европы. Затем, во время революции 1905–1907 гг., русское революционное движение переживает бурное развитие, готовится выйти за пределы Российской империи, превратиться в лидера леворадикальных сил в мировом масштабе, сыграть свою выдающуюся, далеко не однозначную, роль во всемирной истории после 1917 г. Русский радикализм на рубеже XIX–XX вв. постоянно принимает в себя все новые этнокультурные и социальные подразделения, становится все более открытым, интернациональным, левым. Исторический путь русского радикализма: движение от локального к глобальному. Превращение последнего вагона состава в его локомотив.

Иначе выглядит историческая судьба польского освободительного движения. Фактические границы польского общества в XIX в. далеко выходили за пределы держав, ликвидировавших Польское государство и разделивших его территорию. Не имея своего государства,

«подпольная Польша» долго была *безгранична*. Лишившись государственной формы, это общество стало невероятно подвижным и изменчивым, как в социальном, так и в пространственно-географическом измерениях. Крушение государственности породило новую форму солидарности. Польский радикализм в XIX в. в определенной степени был фактором, объединяющим поляков, в то время как русский радикализм разделял русских. В течение всего XIX в. «польский вопрос» имеет глобальное значение. Ни один из острых европейских национальных вопросов XIX в. (греческий, итальянский, ирландский) не имел столь мощного международного значения и звучания, как этот. Напротив, его трансформация в начале XX в. локализует польское общество в пределах воссоздаваемого государства, оформляет это государство. Лидеры «Подпольной Польши» в начале XX в., особенно в годы Первой мировой войны, движутся в политическом спектре *слева направо*, постоянно усиливая национальное звучание, постепенно утрачивая революционное.

### Список литературы

*Аспидов Ф.* За вашу и нашу свободу // Родина. – 1994. – № 12. – С. 74–78.

*Баранов А.С.* Террористическая преемственность и культура // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 4 (78) июль-август. – С. 44–51.

*Баранов А.С.* Солдатская революция 1917 года и предпосылки становления массового общества в России // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского института. – 2018. – Осень, № 28. – С. 98–116.

*Вендзягольский К.* Савинков // Новый журнал. – 1963. – № 71. – С. 133–156 ; № 72. – С. 168–198.

*Кудряшов В.Н.* Народники и «Польский вопрос» // Вестник Томского университета. – 2009. – № 3(7). – С. 127–142.

*Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я.* История Польши с древнейших времен до наших дней / под ред. А. Сухени-Грабовской и Э.Ц. Круля. – Варшава : Научное издательство ПВН, 1995. – 382 с.

*Сорокин П.А.* Дальняя дорога. – Москва : Терра, 1992. – 303 с.

*Толмачёв Е.П.* Александр Второй и его время. – Москва : Терра-Книжный клуб, 1998. – Кн. 2. – 720 с.

*Эдельман О.В.* История следствия над декабристами и его роль в формировании образа тайных обществ : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2008. – 24 с.

ГАРФ.Ф. 5831. Оп. 1, ед. хр. 559. Л. 3–4.

## References

- Aspidov, F. Za vashu i nashu svobodu [For your and our freedom]. In *Rodina*, no. 12, 1994, pp. 74–78. (In Russ.)
- Baranov, A.S. Terroristicheskaya preemstvennost' i kul'tura [Terrorist continuity and culture]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 4 (78) iyul'-avgust, 2017, pp. 44–51. (In Russ.)
- Baranov, A.S. Soldatskaya revolyuciya 1917 goda i predposylki stanovleniya massovogo obshchestva v Rossii [The Soldier's Revolution of 1917 and the prerequisites for the formation of mass society in Russia]. In *Svet Hristov prosveshchaet vsekh: Al'manah Svyato-Filaretovskogo institute* [The Light of Christ enlightens everyone: Almanac of the St. Philaret Institute], no. 28, (osen' 2018), pp. 98–116. (In Russ.)
- Vendzyagol'skij, K. Savinkov [Savinkov]. In *Novyj zhurnal*, no. 71, pp. 133–156 ; no. 72, pp. 168–198, 1963. (In Russ.)
- Kudryashov, V.N. Narodniki i “Pol'skij vopros” [Narodniks and the “Polish Question”]. In *Vestnik Tomskogo universiteta*, no. 3(7), 2009, pp. 127–142. (In Russ.)
- Dybkovskaya, A., Zharyn, M., Zharyn, Ya. Istoriya Pol'shi s drevnejshih vremen do nashih dnei / pod red. A. Suheni-Grabovskoj i E.C. Krulya [The History of Poland from ancient times to the present day / edited by A. Sukhin and-Grabovskaya and E.C. Krul]. Warsaw, Nauchnoe izdatel'stvo PVN Publ., 1995. 382 p. (In Russ.)
- Sorokin, P.A. *Dal'nyaya doroga* [A long road]. Moscow, Terra Publ., 1992. 303 p.
- Tolmachyov, E.P. *Aleksandr Vtoroj i ego vremena* [Alexander the Second and his time]. – Moscow, Terra-Knizhnyj klub Publ., 1998. Book 2. 720 p. (In Russ.)
- Edel'man, O.V. *Istoriya sledstviya nad dekabristami i ego rol' v formirovanii obraza tajnyh obshchestv : avtoreferat dis... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.02*. [The history of the investigation of the Decembrists and its role in shaping the image of secret societies : abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences : 07.00.02]. Moscow : Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova Publ., 2008. 24 p. (In Russ.)
- GARF. F. 5831. Op. 1, ed. hr. 559. L. 3–4.